

[3, с. 369]. Иными словами: зло может быть побеждено только с помощью зла! При всей этической двусмысленности подобной позиции, она представляется поэту неизбежной в условиях, когда «чистое» добро обречено на гибель.

Проблема «высокого зла» получает у Лермонтова и более глубокий, философский смысл. Свободная человеческая воля и связанная с ней некротимая жажда познания, действия, представление о собственной личности как суверенной и самоценной есть по самой своей сути не что иное, как отпадение от изначальной гармонии, и в этом смысле — бунт против бога. Личностная свобода и жизнь «в покорности незнания» несовместимы! Восстание против сущего принимает у Лермонтова и его героев космические масштабы, ведет к тотальному отрицанию миропорядка («с небом гордая вражда»). Демонизм становится постоянной, центральной темой творчества Лермонтова, а Демон — «царь познания и свободы» — устойчивым художественным символом «высокого зла». Высокое зло и тяга к его действительному воплощению, полагает поэт, прирождены человеку (равно как и тяга к «небесному») и — в философском смысле слова — необходимы; они, в сущности, и делают его личностью. Но они же являются причиной изначального раздвоения человеческой природы, «корнем» земных мучений и страданий. Антитеза земного и небесного перерастает у Лермонтова в коллизию между ними.

Демонические умонастроения, несовместимые с мечтой о небесном блаженстве, побуждают поэта сомневаться в ее осуществимости, ведут его к прямому отрицанию идеала, заставляют отдавать предпочтение мирским страстям и «неполной радости земной» — неполной, но реальной!

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

[1, т. I, с. 311].

Жаждающий безусловной, младенчески чистой веры, поэт чувствует себя не способным к ней. Он словно бы хочет получить гарантию в существовании того идеального мира, к которому стремится всеми силами своей души, хочет наперед увериться в его достижимости:

Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-то яд...

[1, т. I, с. 226].

Он как будто беспрестанно взвешивает в своей душе ангельское и демоническое начало, пытаясь решить, какое же из них откроет ему «жизни назначенье, цель упований и страстей». Показательна многолетняя, упорная работа над двумя центральными поэмами — «Демоном» и «Мцыри», в которых ясно выразились две ипостаси его души, две грани его художественного мира.

Стремление к небу и любовь к земле, неискоренимая жажда веры и невозможность уверовать, желание нравственного обновления и сознание его неосуществимости — таков смысл центрального внутреннего конфликта лермонтовского творчества. Причем противоборствующие начала неразрывно слились, сплелись друг с другом: «И царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови» [1, т. II, с. 114]. Характерное для поэта-романтика душевное раздвоение достигает у Лермонтова невиданной остроты [см. 6].

Вторая половина творчества Лермонтова (1835—1841 гг.) — время кризиса романтического мирозерцания. Поэт все острее ощущает неразрешимость его внутренних противоречий, ограниченность и уязвимость позиции мятежного индивидуализма, все настойчивее стремится преодолеть роковую раздвоенность романтического сознания и соотнести свои